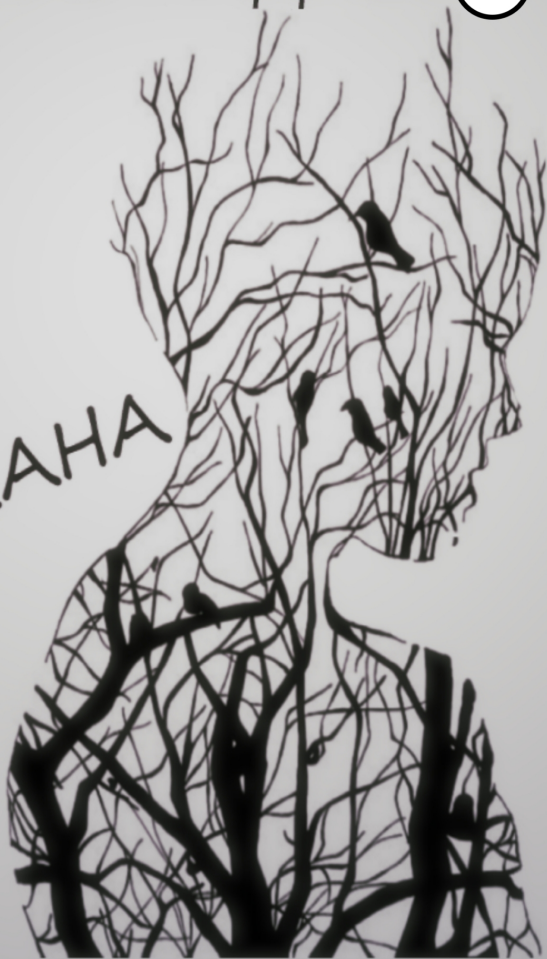

АЦАМАЗ КАДИЕВ

18+

МИЛАНА

Ацамаз Хазбиевич Кадиев

Милана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42845504

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09923-4

Аннотация

Это не книга, в классическом понимании. Это история, изложенная мною, призвана быть проекцией жизни одной девушки и людей, которые ее окружают... Я не выражал свои мысли с помощью псевдоповествования... Знаете, когда в книге столько литературных слов, что она больше напрягает ум, нежели раскрепощает воображение... Честь, любовь и настоящий шарм в этой истории не оставят вас равнодушными. Ведь есть вечные темы... И, подобно красоте уходящего солнца в конце замечательного дня, вы наслаждаетесь, ублажая взор и душу, слушая шепчущий голос совести и забот о том, что этот миг удовлетворения вами заслужен и абсолютно нет, одновременно...

Содержание

Глава I	4
Глава II	24
Глава III	47

Глава I

Она вставала рано. Утро начиналось с кружки горячего шоколада. Она сидела у окна и смотрела, как первые лучи солнца выглядывали из-за соседних домов. Они ласково, не спеша пробирались по стенам домов, отражались в охотно играющих с ними окнах. Это лучшее, что происходило с ней за весь день. Потом сборы на работу, занимающие около десяти минут. Примерно так: умылась, собрала хвост, постояла у зеркала двадцать секунд, посмотрела на отражение грустных, непомерно глубоких глаз. Еще раз сказав себе, как она дурно выглядит, и печально вздохнув, отправлялась на работу. Весь день провозившись в скучном унылом офисе... Хотя давайте здесь поподробней...

Шеф, бесцельный бездельник, которому папа, кстати, хороший был руководитель, пробил дорогу к чиновничьим кругам нашего славного города. К сожалению, ей приходилось испытывать на себе всю его некомпетентность как человека, занимающего ответственную должность, и его непорядочность как мужчины, второе происходило довольно короткий промежуток времени, после пары случаев он относился к ней заслуженно. Слово «мужчина» в данном контексте прошу воспринимать лишь как показатель половой принадлежности. Ибо в полной мере оно к нему не относится, по сути. По крайней мере, это ее однозначное мнение на данный

момент. Она устроилась на должность еще до прихода «наследника», за год работы зарекомендовала себя как хороший сотрудник. Теперь ее стаж пять лет, и четыре из них она периодически вытаскивает его из разных идиотских ситуаций.

Но все это работа.

А побед на личном фронте нет.

Последняя история оставит удивительные последствия для обоих. Она пришла на рабочее место, а он спит в кабинете на полу, кругом разбросаны бутылки из-под мартини, стаканы, закуски и окурки. Запах, сопровождавший эту картину, был просто умопомрачительным. Она не теряла ни секунды, через десять минут офис оживет.

Милана открыла окна настежь, затащила «спящую красавицу» на диван. Открыла дверь в комнату заседаний, снова вернулась в кабинет, заперла его изнутри, разослала с компьютера сообщение об экстренном совещании и принялась убирать последствия бурной ночи. Она управилась быстро и без подозрений. После пошла и оповестила собравшихся к тому времени сотрудников о том, что совещание отменяется. Чтобы сотрудники не подняли шум и гам, дескать, что их без толку от работы отрывают, она сообщила всем, что разговор о постоянных опозданиях то одних, то других сотрудников обязательно состоится в ближайшее время. А сейчас у главного возникли дела за пределами офиса, и они важнее,

чем напоминание рабочим кадрам об их непосредственных обязанностях, в которые входит обязательное присутствие на рабочем месте в официально установленное время. Быстрой походкой направилась к двери и, остановившись у нее, демонстративно оставив место для свободного выхода, резко кинула взгляд на сидевших в зале. Они тут же повскакивали с мест, поняв, что почесать языками не получится, и направились в порядке очереди к выходу. Она бесстрастно смотрела на проходившие мимо испуганные лица коридорных «королев» и «королей»... Кто-то из них пытался с ней заигрывать, получая от ворот поворот, они сразу же распускали о ней грязные слухи. Некоторые из девушек пытались самоутвердиться на ее фоне, высмеивая ее консервативный стиль в выборе одежды, ставший уже визитной карточкой хвост...

Все они сейчас на лопатках, а она торжествует и ликует в душе, сохраняя внешнюю непоколебимость. Тогда к ней первый раз пришло ощущение власти над «толпой». Ей понравилось. Учитывая ее изобретательность, ей не составило труда прятать шефа до вечера, при том что он спал большую половину дня, это и вовсе плевое дело стало. Разговоры за ее спиной прекратились сами собой. Уважение этого горе-начальника к ней, особенно после подготовленного ею категоричного спича по поводу заданной ею же темы, было тотальным. В общем, он позволял себе быть мразью с кем угодно, только не с ней. Но все это работа. А побед на личном фронте нет. Нет человека, который бы смог ее утешить после тя-

желого дня. Человека, который бы скрасил ее одиночество... Так, стоит пояснить, у нее есть и мать, и отец, она была замужем, но развелась после трех месяцев совместной жизни. Человек, которого она предпочла как спутника жизни, оказался полным идиотом. Возвращаться домой после скорого развода она не стала. Сочла это неразумным. Если уж ушла из дома, значит, готова к самостоятельности. Пусть и не на кого положиться теперь.

Замуж она вышла, как и многие – полюбила, забылась и... приплыла к берегам одиночества на разбитом тазике, глядя с берега, как тонет корабль с ее теперь уже несбыточными мечтами. Но собралась с силами и продолжила «плаванье» в полном одиночестве, убегая от мысли, что она неудачница. Она была единственной дочкой в семье, но не любимицей, как, вроде бы, по сути, должно было быть.

Отец никогда не поддерживал ее стремления к искусству. Запрещал ходить на танцы и в художественный кружок. Бил за двойки в школе. Не разрешал долго разговаривать по телефону и практически не выпускал гулять. Мать никогда не пыталась сблизиться с ней, не обсуждала вещи, которые со временем нужно объяснять девочкам. Кстати, она узнала от двоюродной сестры об особых днях, которые вот-вот у нее начнутся. Готовить она научилась по книгам о кулинарии, причем готовить очень вкусно. Мать от зависти запретила ей приближаться к домашней плите, дескать, хватит нас травить. Единственное, кстати, что поощрял и ценил в ней нера-

дивый отец – это ее стремление готовить, само собой, сказывалось стремление вкусно поесть, тем более после стряпни его супруги это было как еда из ресторана! Со скандалами он все же периодически добивался разрешения для дочки порадовать его ужином.

В своем скудном и мрачном детстве ее мечты напоминали сказку Александра Грина «Алые паруса». Милана так хотела, чтобы реальность не была сурова к ней и проявила снисхождение, но в миллионный раз убедилась в том, что жизнь подарков не дарит. Танцевать народные и современные танцы она все же начала, но не на занятиях с педагогами и сверстниками, а одна по видеокассетам, днями и вечерами, когда родителей не бывало дома.

Оканчивая школу, она надеялась, что теперь-то сможет сделать выбор, который определит ее будущее, и поступит на факультет искусств. Но ее опасения, затаившиеся в сознании, которые она глушила как могла, от которых пряталась как могла, все же оправдались. Родители, сославшись на то, что она на протяжении стольких лет сидит у них на шее и питается едой, купленной на их деньги (девочке семнадцать, где она должна была жить все это время и где побираться, интересно?), решили, что она должна хоть в чем-то оправдывать надежды возложенные на нее. После внушительной беседы она чувствовала, что понятия не имеет, о чем вообще

речь? Попытавшись вполголоса оспорить родительское решение, она получила хорошую затрещину с отцовской правой... Не то чтобы после этого стало все ясней, но вопросов и обсуждений с ее стороны больше не прозвучало. В итоге еще одним кабинетным червем через пять лет стало больше.

В университете она держалась особняком. Особого интереса у ребят она не вызывала, потому как одевалась очень скромно, а зачастую и вовсе приходилось носить школьные обноски. Однажды она собрала все, что у нее было из одежды, вплоть до любимой пижамы, и попыталась что-то сшить. Получилась одна кофта абсолютно непонятного покроя, но смотрелась она симпатично. Пришлось пожертвовать одной юбкой и двумя майками, это большая жертва, принесенная от безвыходности. Но она оказалась вполне оправданной, несмотря на то, что кто-то из однокурсниц разглядел в «обновке» старую юбку, долгое время мозолившую их любопытные взоры.

Сплетни о бедности девочки расползлись по всей группе, а позже по курсу. В общем, нашлись и те, кто показывал пальцем, и те, кто говорил за спиной такие небылицы, что просто жуть. Ни на одних, ни на вторых она не обращала внимания. Ей часто приходилось встречать противодействие посредственностей, оно никогда не сбивало ее с толку.

Однажды она отвечала доклад по маркетингу, почти вся аудитория шушукалась. Время от времени кто-то вполголоса говорил в унисон. Кто-то хихикал, намеренно ее прово-

цируя. Несколько ребят пригрозили всем, что если они не перестанут ей сейчас мешать, то лишатся передних зубов. Милана поблагодарила этих ребят. На что преподаватель отреагировал крайне возмутительно! Что, мол, устраивать базар. На что выслушал довольно резкий монолог девушки о поведении всей группы, о его полном игнорировании этого факта и его подозрительно молниеносную реакцию на поведение ребят, которые, по сути, правы. История закончилась довольно логично: пара идиотов, что хихикали, остались без передних зубов, а преподаватель чуть было не получил инфаркт, когда увидел, во что превратилась его машина.

Скажем так, ремонт помятых дверей и замена выбитых стекол обошлись ему в копейчку. Так же, как и парням-приколистам, которых от души принял на грудь один из вступившихся, восстановление их голливудских улыбок также обошлось в кругленькую сумму. Девушку, зачинщицу, как позже установил деканат, подали на отчисление, но она опередила их и перевелась в другое учебное заведение. Доказать причастность Марка, так звали молодого человека, к драке было несложно, а вот приписать ему порчу имущества не удалось. Преподавателю много кто желал зла и, соответственно, любой мог подставить парня, сводя личные счета. Это понимали все. Так что, как бы профессор ни пытался убедить всех в причастности именно Марка и никого другого, доказать это так и не удалось. Но тяжесть его кулаков оценили со всей строгостью и сразу же отчислили.

Родители бесились по этому поводу целую неделю. Устраивали скандал за скандалом, не обошлось и без рукоприкладства – отец в очередной раз отпустил дочери пощечину. Милана, еле удержавшись на ногах, с заплаканным, окровавленным лицом подошла к нему вплотную и встала лицом к лицу. Смотря ему прямо в глаза, не отводя взгляда, даже не моргая, вполголоса произнесла: если он хочет помериться с ней силами или просто помахать своими руками, она найдет ему достойного оппонента, который способен дать сдачу. Трус был повержен. Он обошел ее, молча зашел в свою комнату, сел рядом с женой, истерившей на кушетке, и завел разговор о том, как она изводит мать, не жалеет ее, а она так много для нее сделала и, что самое поразительное, делает по сей день. Как девушка пережила эту неделю, не съехав с катушек, она не знала и сама. Проходит все, прошла и эта недобрая пора. Девушка, ощущая полную нехватку денег, стала усердно учиться и работать над собой. Она грызла гранит знаний с жадностью хищницы, набросившейся на свою жертву. Видя перед собой перспективы устроиться на работу, содержать себя самой. Ни от кого не зависеть, быть лучшей, в конце концов. Цель оправдывает средства, только так и не иначе. Напролом, через тернии к звездам. Эти слова стали ее молитвой, ее опорой, когда опускались руки и хотелось упасть без сил, подавшись трясине жизни, что поглотит, только прояви слабость. Однажды ей на телефон пришла видеоссылка. Загрузив ее, она стала свидетельницей и,

собственно говоря, что еще приятней, обладательницей самого странного и отчасти безумного признания в любви. В кадре – машина профессора, о котором она давно уже забыла.

К ней подходит парень в кепке, крепкого телосложения, с бейсбольной битой и улыбкой, которая ей не раз и не два попадалась в предыдущем учебном заведении. Это единственная улыбка, которой она просто не могла не ответить взаимностью. Парень методично, явно со знанием дела бил по

машине и стеклам. После он подошел к камере, и в телефоне у Миланы на весь экран появилась физиономия Марка. Слегка смущаясь, видимо оператора, он неловко произнес, что любит ее. Это самое приятное, что произошло с ней на протяжении всей ее мрачной и унылой жизни. Она смотрела запись время от времени и каждый раз чувствовала что-то приятное внутри себя.

Милана была настолько обделена в жизни, что научилась радоваться любым мелочам так, что превращала их для себя в настоящее событие. Ну скажем, в понедельник она увидела в программе передач, что в субботу вечером будет ее любимый фильм. Всю неделю она радовалась этому событию. Со всем не важно, что в этот день, когда она единственный раз за всю неделю усядется вечером у телевизора, отец или мать практически обязательно ее поднимут со словами «хоть бы раз бы делом занялась, нет, тарачится в телевизор». И конечно, абсолютно не важно, что квартира убрана, все домашние дела сделаны. Она огорчится, но в который раз убедится в своем огромном желании как можно скорее выучиться и уйти в собственное плавание, подальше от всего, что она так сильно хочет покинуть. В принца, который заберет ее, она не то чтобы не верила, верила, но как-то с опаской и полагалась в большей степени на собственные усилия, нежели на мечты.

На четвертом курсе ей сделали предложение, от которого она не смогла отказаться. В ее жизни появился человек. Это был 29-летний бизнесмен.

*Она чувствовала заботу и любовь
своего избранника,
но в себе эти чувства
она так и не разбудила.*

Он пришел договариваться о поступлении своей племянницы в университет, а в деканате как раз стояла Милана, ждала очереди, чтоб переговорить с деканом. Бизнесмен был очень занятым человеком, но вперед девушки, которая сразила его просто наповал, заходить не стал. Когда она вышла, он не зашел в кабинет, а направился прямо за ней. В его взгляде можно было увидеть восхищение. Он так ничего из себя и не выжал. Пришел на следующий день с огромным букетом. Попросил девушку с пары. Когда она вышла, была безмерно удивлена картиной перед глазами: серьезный мужчина с букетом. Он протянул ей его со словами восхищения. И убедительно настаивал на встрече. В любое время и в любом месте, хоть вечером под ее окнами. Она согласилась, только не вечером, а завтра днем. Он ушел, попрощавшись, настаивая на том, чтобы она зашла, но она сослалась на то, что нужно позвонить домой. Когда он скрылся за углом коридора, рванула в туалет и закинула цветы в одну из кабинок. Чтоб ее никто не увидел, она постеснялась зайти с букетом в аудиторию, а идти с ним домой казалось и вовсе нереальным. Она вышла и направилась обратно на пару, но

развернулась и обратно побежала к букету. Открыла дверь в кабинку и посмотрела на букет. Еще раз оценила его красоту и неспешно, обдумывая произошедшее, направилась обратно. На следующий день они встретились в намеченном месте и провели практически весь день вместе. Они встречались раз или два в неделю, потом стали общаться тесней. Он начал встречать и провожать ее домой каждый день. Через три месяца он сделал ей предложение, она согласилась. Родители, узнав о состоянии жениха, согласились не думая, хотя теперь, когда Милане было куда идти, мнение родителей было формальностью. Даже их отказ ничего не решал бы.

Свадьба с бизнесменом прошла скромно со стороны невесты и очень масштабно и празднично – со стороны счастливого жениха. Милана вырвалась из своего замкнутого мира, с его серыми стенами и не менее серыми обитателями. Она чувствовала заботу и любовь своего избранника, но в себе эти чувства она так и не разбудила. Девушка не обманывала себя и понимала, что этот принц лишь спасет ее, но сделать счастливой не сможет. Они развелись через год совместной жизни. Не было ни ссор, ни сцен. Все было очень тихо и безболезненно для обоих. Когда она уходила, он понимал, что теряет что-то важное в своей жизни. Когда уходила она, чувствовала свободу. Она понимала, что воспользовалась человеком. Но не считала себя должной ему. Она подарила ему счастье и сумела стать для него женщиной-эталонном. Умной, красивой и безгранично женственной. Он грустил, но пони-

мал, что не сможет ее удержать. Его поразило то, что она наотрез отказалась делить имущество, даже не согласилась на квартиру, которую оставлял ее бывший муж. Его родители тоже настаивали, но все бесполезно. Этим она окончательно покорила и бизнесмена, и его родителей.

Девушка имела образование, но пока не была устроена. Она оставила свое резюме во всех организациях, которые знала. Сняла квартиру и устроилась официанткой. Она проработала полгода. Денег хватало только на оплату жилья, еда в холодильнике была для нее роскошью, которую она редко могла себе позволить, старалась кушать на работе. Кусочек там, кусочек здесь, да и вроде как жить можно. Иногда по вечерам, когда оставались силы, она танцевала, теперь ей никто не мог это запретить. С горем пополам она собрала деньги на дешевый материал. И практиковалась в шитье, которое она просто обожала.

Заиграла песня

«Never, Never Gonna Give You Up»

Бари Уайта.

Однажды она обслуживала столик, за которым сидели три девушки. Две из них были ее бывшими однокурсницами в университете, из которого ей пришлось переводиться. Они сначала шумели, привлекая к себе внимание ребят, сидевших за соседним столиком. Но через некоторое время одна

из них достаточно громко спросила Милану, не та ли она девица, которую поперли из университета. Девушке стало жутко не по себе. Она почувствовала взгляд половины сидевших в зале. От смущения у нее появилась слабость в ногах, даже голова закружилась. Она, еле сдерживая слезы, сказала, что нет. Она развернулась и медленно, словно ее облили клеем, как-то нелепо передвигаясь, направилась в сторону барной стойки. Бармен, совсем еще молодой паренек Алекс, с которым они вместе добирались домой после работы, когда освобождались одновременно, болтали и шутили на разные темы, поставил перед ней легкий коктейль и сказал, что эти пустышки не заслуживают ее внимания. Она выпила его залпом. Посмотрела на парня, прямо в его искренние глаза, и улыбнулась. Заиграла песня «Never, Never Gonna Give You Up» Бари Уайта.

Она подумала, что под эту песню просто нельзя быть трусихой. Ее движения приобрели кошачью пластичность. Она, слегка прищурившись, через плечо посмотрела в сторону обидчицы. Медленно, но отнюдь не беспомощно она направилась к «вражескому» столику. Ее походка, наверно, свела бы с ума любого мужчину. От бедра, ножки в одну линию, совсем как ее любимые модели на fashion TV. Даже короткий сарафан официантки ей сейчас шел, как ничто другое. Три бестии молча посмотрели на подошедшую. Эта дрянь снова ляпнула, что, мол, я щелкнула пальчиками не по этому поводу и она пока может отвалить. Но она слышала лишь ста-

рину Бари. Милана взяла бокал с шампанским и спросила у нее, что она, наверное, одна из тех потаскушек, что не повзрослеет никогда. Она медленно вылила содержимое бокала на болтливую обидчицу. После чего влепила пощечину, которая снесла ее со стула, на котором она извивалась, как змея. Милана пошла в раздевалку, переоделась и направилась к черному выходу. На пороге ее настиг менеджер, он, охрипший от бешенства, кричал, чтоб ноги ее здесь больше не было. Он выговаривал ей это вслед. Милана той же непридуманной походкой шла по слабо освещенной узкой улочке, на ней была юбочка и тоненькая блузка, пальто, небрежно накинутое, она не застегнула, кругом лежал снег и пар шел изо рта, но холод, пронизывающий ее, сейчас был кстати. Так красиво, во всех смыслах, еще никто ниоткуда не уходил. Когда она добралась домой, несмотря на усталость, включила музыку и стала танцевать, медленно переодеваясь.

На следующее утро она проснулась от голода. Что делать, понятия не имела. Встала, умылась. Просидела в кресле час или два, просто не зная, что делать дальше. Обдумывала произошедшее вчера. Взяла лист бумаги и стала рисовать эскизы. Через четыре часа была подробно обрисована целая коллекция вечерних платьев. Потом взяла кусочки материала и старые вещи. Попробовала сшить одно из нарисованных платьев. К ночи получилось три.

Она уснула на полу, свернувшись в клубочек. Утром принялась воплощать в жизнь задуманное вчерашним вече-

ром. Девушка пошла договариваться о трудоустройстве в какое-нибудь кафе, на примете была парочка заведений. Взбешенный менеджер обзвонил всех и вся, оповестил всех знакомых коллег с просьбой, в случае чего, не брать девушку на работу, подробно предоставив ее резюме и описав возмутительную выходку. Девушке отказали в трех заведениях. Она не настаивала. На ответ «нет» она благодарила за время, которое ей уделили, и тихо уходила. В последнем кафе девушка менеджер тоже ответила «нет». Милана уже традиционно поблагодарила за время и хотела было встать, как удивленная ее реакцией менеджер остановила ее.

Милана вопросительно посмотрела на нее, про себя подумав, что если она вздумает постебаться над ней, то глубоко заблуждается, и уже думала, как выговорит ей по полной. Но ход ее мыслей прервал вопрос, какую должность, кроме официантки, она могла бы ей предложить. Милана не смогла удержать улыбку.

Сказала, что вкусно готовит, даже может предложить пару очень вкусных блюд собственного приготовления. Девушки направились на кухню. Ей выдали фартук и попросили приготовить что-нибудь из собственной поваренной книги. Когда она готовила, еле сдерживала себя, чтобы не откусить или не съесть что-нибудь из ингредиентов. Когда блюдо было готово, она приняла участие в дегустации. Когда она ела, первый раз за два дня, ей уже было все равно, возьмут ее или нет. Те три кусочка, которые она попробовала, говорили о том, что собеседование уже прошло удачно. Ее взяли. К концу недели, когда она уже привыкла вставать на работу в шесть часов и быть у плиты в семь, в середине рабочего дня ей позвонили из организации, в которую ей больше всего хотелось, и предложили пройти собеседование на должность секретаря.

На следующее утро она отправилась в организацию. Она просто утопила опрашивающих ее работников в своей квалифицированности, не оставив шанса никому другому. Она

начала работать в том самом офисе. Начальник, взрослый и очень мудрый чиновник по имени Авраам, сразу же заметил трудолюбие и ответственность новоиспеченной сотрудницы. Через год она стала секретарем-референтом.

Глава II

С начальником у нее завязались очень хорошие взаимоотношения. Он передавал ей свой опыт и знания. Часто звал ее составить ему компанию в обеденный перерыв. Через два года он наотрез перестал звать ее по имени, только «дочей». Она дорожила их теплыми отношениями и чувствовала его отцовскую заботу, за которую была готова благодарить хоть всю жизнь. Через четыре года он решил завершить карьеру и передал полномочия сыну, которого на протяжении семи лет готовил к этой должности. Не то что каждый год – каждая секунда обучения, каждая денежная единица, вложенная в него, была напрасна. Но, как говорил Авраам, лучше он передаст все в его руки, под ее руководством, чем в тысячи других рук. Она согласилась с ним.

*Она создавала эскизы
и воплощала их
в реальность.*

Милана обожала за собой ухаживать, она не зависела ни от кого и могла сама себя содержать. Одежду она покупала только качественную, элитных брендов. Но больше денег у нее уходило на дорогие ткани и нитки. По субботам и воскресениям, в законные выходные, она по-настоящему отды-

хала. Она создавала эскизы и воплощала их в реальность. Однажды Милана всерьез задумалась о том, чтобы создать свое собственное ателье. Но свободного времени было мало. Ведь нельзя чтоб оно работало только по выходным, о будних днях не могло быть и речи.

Авраам замечал непонятную грусть девушки, но не знал, с чем она связана. Спрашивать сам не стал. Не хотел тянуть из нее правду, которую она рассказала бы только из уважения к нему. Со временем в один из дней, когда они встретились, чтоб посидеть за дружеским ужином, ставшим уже традиционным, они слушали друг друга и говорили о разном. Милана робко начала, Авраам внимал каждому ее слову. Она рассказала о своей страсти к шитью, о ее реальных способностях к этому делу. В качестве примера она встала со стула, обошла вокруг стола и остановилась в полуметре от него. Он, следивший за каждым ее шагом, сидел, немного недоумевая. Потом встал и с легкой улыбкой спросил: «Это приглашение на танец, прекрасная леди?» Она, опустив голову, положила ему руку на плечо и движением усадила его на место. «Как вы находите мое платье?» – шепотом спросила она. «Оно прекрасно, достойно твоей красоты, я считаю!» – утвердительно произнес Авраам.

Девушка села на свое место, глотнула вина, пронзительно посмотрев на своего собеседника, и сказала, что сшила его сама. Его и значительную часть своего гардероба. Теперь с места поднялся он, взял ее за руку и поднял со стула. Он

смотрел на ее произведение с подлинным восхищением. Поцеловал ее руку и посадил на место. Он ничего не говорил, он слушал. Милана рассказывала своему другу о том, как пришла к этому. Во всех подробностях. Авраам полюбил эту девочку уже давно, он и представить не мог, что полюбит ее еще больше. Что это вообще возможно. Авраам всего в жизни добивался сам. Но он никогда не жил в бедности, его семья была богатая, знатных кровей. Даже в юности он не приносил хлопот своим родителям.

*Отец всегда старался быть
примером чести и благородства
для отпрыска.*

Он не хотел всего, что хотели сверстники, развлечений и дорогих приобретений, дабы покрасоваться перед сверстниками. Его страстью с ранних лет были знания, самосовершенствование. Он столько времени отдал учебе, что опомнился только в 35, тогда и женился на порядочной и скромной девушке. Тоже из богатой семьи. Они были примером выгодного брака для окружающих и двумя сошедшимися, наконец-таки, одиночествами друг для друга. У супружеской пары родился сын. К сожалению, он немного из другого теста получился. Отец всегда старался быть примером чести и благородства для отпрыска, но для мальчишки всегда находились более упрощенные и менее благородные примеры

для подражания.

Однажды у Авраама чуть было сердце не прихватило, когда сынок во время прогулки стал восхищаться лежащим на тротуаре бездомным пьяницей: «Па, а когда я вырасту, я тоже буду лежать целый день на улице и ничего не делать! Правда, здорово?» Отец, после кратковременного шока, стал объяснять сыну, как это отвратительно и плохо. Что это очень страшно, когда человеку нечего делать и негде заработать денег.

Авраам всегда делал акцент в воспитании личности сына на образовании и спорте. Особенно ребенку давался бокс. Отец не был против, хоть и считал его немного жестковатым для ребенка. Мальчишка всегда был заядлым драчуном и на улице, и на ринге. Когда пришел возраст для того, чтоб начать уже понемногу побеждать и добиваться успехов, стало выясняться, что сил у парня много, но он из раза в раз проигрывает по глупости, не продумывая нападение и не заботясь о защите. Так он проиграл два достаточно серьезных турнира для подростков. В уличной драке парню не было равных. Более того, он мог драться и с двумя, и с тремя парнями одновременно. Перед третьими соревнованиями отец лично следил за подготовкой сына. После тренировки по дороге домой он спрашивал о правилах защиты и о правилах нападения.

«Сильно бить – можно пробить.»

Думать и бить – значит победить».

Сын, безгранично любивший своего отца, был в восторге от проявления такого участия в его спортивной жизни. Он с азартом и удовольствием объяснял все, о чем бы он его не спрашивал. Когда настал день соревнований и мальчик готовился к выходу на ринг, Авраам восхищенно смотрел на сына, который был полон решимости и желания. На его сосредоточенность и уверенность в своих силах. Он подошел к нему и сказал следующее: «Новак, у тебя крепкий удар, но ты бьешь в блок, не надо, открывай соперника изнутри, разгадай его защиту и нападение. Умей атаковать так, чтоб после атаки соперник получил ущерб. Не открывай себя, не стесняйся обороны, тем более что порой это лучший способ заманить соперника в ловушку. Ты сможешь. Я знаю, я видел, как ты готовился. Ты лучший». Парень после наставления обрел еще большее умиротворение и спокойствие. Концентрация достигла своего пика. На ринге он действовал настолько разумно, что тренер позже признался отцу парня, что тот лучший психолог на свете и что никто не знает этого парня лучше него. Мальчик выиграл два раунда по очкам, а в третьем закончил разгром нокаутом. Так как проигравший был самым серьезным соперником, другие не стали проблемой и вовсе. Новак понял для себя одну очень важную вещь. После соревнований отец сказал: «Сильно бить – можно пробить. Думать и бить – значит победить».

Авраам понимал, что учеба сложно дается сыну, но на внушениях, на беседах худо-бедно он окончил университет. Парень был не глуп, но что касалось узких наук... не давалось ему это дело. Но Новак прислушивался к отцу, и это во многом помогало ему. Когда пришло время выбирать между профессиональной карьерой боксера и работой, парню было предоставлено абсолютно законное право выбора, без какого-либо давления со стороны. Он выбрал работу. Авраам был хорошим мужем, когда он взял в супруги Монику, одинокую, как сам, девушку, он поистине скрасил ее однообразное существование и подарил ей настоящую жизнь. Авраам часто становился объектом для охоты разных светских дам, что хотели бы украсить свою жизнь не только красивым мужчиной, но и, что являлось главным, его миллионами. Но измена или даже флирт с подобными девушками были для него просто нонсенсом. Помимо огромной любви к Монике он считал подобное поведение ниже своего достоинства. Уважение окружающих и компаньонов и даже случайных знакомых он заслужил выдержкой и настоящим джентльменским нутром. Для жены он всегда находил время, она никогда не чувствовала себя одинокой. Конечно, иногда между ними вставали деловые поездки Авраама, но «слишком хорошо – тоже плохо», говорил он, и с этим трудно поспорить. Она скучала по нему, но понимала – иначе никак..

Супруга дожидалась его в их огромном особняке на окра-

ине города. В нем жила вся его семья. Мать Авраама, его отец и дедушка с бабушкой по материнской линии. Это была сплоченная, воспитанная и очень веселая семья. Они, как могли, отвлекали ее от разлуки с мужем. Моника с детства обладала очень слабым здоровьем. Была очень хрупкой девушкой, но вместе с тем старалась вести активный образ жизни. Авраам был для нее всем. Правда в том, что, когда он женился на ней, он, конечно, понимал все ее плюсы, но это была не любовь. После первой ночи любви он не мог оторвать от нее взгляда. Он смотрел, как она спит в его объятиях, и наслаждался ощущением ее дыхания на себе. Вот тогда-то он и полюбил ее на всю жизнь. И никто никогда не был в его объятиях так, как сейчас была она, Моника стала единственной женщиной в его жизни. Она ушла молодой и красивой. После десяти лет совместной жизни. Ей было всего тридцать четыре года.

Авраам приехал из командировки, перешел порог дома и сразу же попал в объятия своей жены. Он не отходил от нее ни на шаг, они провели весь день вместе, их счастьем не было предела. Маленький Новак даже на прогулку с дедом не пошел, весь день бегал и прыгал по дому, празднуя приезд отца. Авраам не мог налюбоваться сыном, родней и в особенности женой. Вечером все собрались в узком семейном кругу. Авраам сидел во главе стола и держал за руку Моника, которая традиционно сидела по правое плечо мужа. Они оживленно беседовали, он рассказывал о поездке, они – о

разных веселых событиях, произошедших в его отсутствие, связанных в основном с маленьким Новаком. Моника почувствовала боль в сердце и резкую слабость, она стала терять сознание и падать со стула, не имея сил удержаться. Муж тотчас же ее подхватил и понес в спальню. Пронося ее через комнату, он движением ноги смел большой журнальный столик, что возник на его пути по дороге к лестнице, взбегая по ней, он выкрикнул «Врача, скорее врача!». Все уже стояли на ногах. Отец Авраама сразу направился к телефону. Новак, сильно испугавшись, сразу начал плакать, зовя маму, он вскочил с места и побежал за ними, его ухватила ринувшаяся за ним бабушка. Она подняла его на руки и стала успокаивать. Авраам уложил ее на их кровать. Она поняла, что жизнь медленно покидает, за несколько дней до приезда мужа. Она много времени проводила с сыном, наслаждаясь его детством вместе с ним. Иногда она просто безмолвно сидела у окна, наблюдая, как Новак гуляет с дедом, по ее щекам текли слезы, а в душе была печаль. Она не увидит, как он станет мужчиной. Как муж будет наставлять сына на жизненном пути. Как он женится. Как бы она мечтала, чтобы кто-нибудь позволил наблюдать за ними сверху, когда ее не станет. Когда ей становилось плохо днем, она потихоньку исчезала от общих глаз и переживала боль в одиночестве, молясь об одном – лишь бы увидеть его еще хоть раз. Она была так слаба физически, что глаза закрывались сами собой, и ее клонило в сон со страшной силой. Но она ни на минуту не сомкнула

глаз, боясь потерять сознание. Авраам склонился над ней на коленях и, целуя ее руки, говорил, как она ему нужна, как сильно он ее любит. Он впервые в сознательной жизни плакал. Он терял половинку себя, на его глазах уходила любовь всей его жизни. И он понимал, что не сможет ее удержать.

*От рассудительного,
железного в делах мужчины
сейчас ничего не осталось.
Он не мог, он не хотел
прятать чувства сейчас.*

– Хорошо, что ты рядом, – очень тихо, улыбаясь, несмотря на боль, говорила она. Ей столько всего хотелось ему сказать. – Боже, как хорошо, что ты рядом. Я думала, я тебя не успею увидеть больше, как хорошо, что успела. Знаешь, Новак, он такой хороший. Он очень любит жизнь.

– Я так люблю тебя, забери меня с собой, пожалуйста, не оставляй меня одного.

– Позволь я не буду тебя забирать, пожалуйста, не оставляй Новака. Ты очень ему нужен. Обещай, что останешься.

– Останусь. Я так люблю тебя. Почему ты... Почему так?.. Не уходи, пожалуйста.

Авраам обнимал жену и не мог взять себя в руки, он плакал и умолял ее, словно она действительно была в силах остаться или взять его с собой. От рассудительного, желез-

ного в делах мужчины сейчас ничего не осталось. Он не мог, он не хотел прятать чувства сейчас.

– Я люблю тебя, Авраам, ты подарил мне жизнь, каждая секундочка которой была для меня счастьем. Для меня счастье и то, что ты остаешься. Счастье, что есть Новак, счастье, что последнее, что я вижу, это ты.

Она из последних сил положила ладони на его лицо и попросила поцеловать. По ее щеке потекла слеза. Авраам поцеловал ее. Его поцелуй стал последним ощущением в ее короткой жизни. Он почувствовал, как ее объятия сначала ослабели, а через секунду ее не стало. Он крепко прижал ее и прошептал: «Я буду ждать встречи с тобой, любимая. Я всегда буду ждать нашей новой встречи». За дверью стоял отец, не решавшийся зайти. На первом этаже сидели совсем старенькие дедушка и бабушка Авраама, мать, а на ее руках притихший Новак. Он не выходил из комнаты долгое время, и отец все же вошел в комнату. От увиденного у него встал ком в горле, и он молча вышел из комнаты и спустился вниз к остальным. Он подошел к бару. Налил себе виски, выпил и сообщил всем то, что они уже знали, но верили в обратное до последней секунды. По дому раздался плач.

*Его маленький сын стоял в пижаме и,
сочувственно улыбаясь, указывал
пальчиком на большое окно,
выходящее на веранду.*

В двери заколотил врач, выкрикивая имена домочадцев, чтоб они скорее открыли ему двери. Отец Авраама открыл и указал рукой на лестницу, врач сразу же побежал на второй этаж. Когда он зашел, то увидел ту же картину, что и глава семейства. Тело Моники аккуратно лежало на кровати. Со сложенными на груди руками, а Авраам спал рядом, положив голову ей на живот. Они тихонько его разбудили, врач попросил его спуститься в низ. Он еще раз поцеловал Монику и вышел из комнаты. Он пошел в кабинет, сел и стал смотреть в окно. Через минуту зашел Новак. Он подошел к отцу и положил голову ему на колени, обняв его за ногу. Авраам посмотрел на сына, сказал, что любит его, и стал гладить его по голове. Потом посадил его на руки и обнял. Авраам снова уснул. Позже в кабинет вошла мать и забрала внука, не будя сына. Он проснулся на следующий день от плача, царившего кругом. Дом уже был полон людей, приехали мать и отец Моники и другие родственники с обеих сторон, также прибыли знакомые и друзья супружеской пары и двух семей. Он был в ужасном виде, но его это совсем не интересовало. Он вышел на улицу и стал бродить по парку. Авраам ничего не отвечал родственникам, которые подходили выразить соболезнование, а от его взгляда им становилось жутко не по себе. В день похорон ему приснилась, что Моника жива, она хотела выйти во двор. Авраам понимал, если она выйдет, то исчезнет навсегда, он кричал ей как мог, но она его

не слышала и подходила к двери все ближе и ближе, он пытался подойти к ней, удержать ее, но не мог пошевелить и пальцем. Она улыбалась и говорила, что выйдет только на минуту, он кричал как мог, но она не слышала. Как только она вышла и за ней захлопнулась дверь, Авраам сорвался с места и направился в сторону двери, выкрикивая имя жены, он умолял ее не уходить. Когда он оказался у двери, не смог ее открыть, он бил ее, толкал, но все было тщетно. Вдруг за спиной он услышал, как его завет Новак. Авраам резко обернулся. Его маленький сын стоял в пижаме и, сочувственно улыбаясь, указывал пальчиком на большое окно, выходящее на веранду. Авраам тотчас же отреагировал и, пробежав к нему от двери, выпрыгнул в него. Он резко проснулся, вскочил с кровати в слезах и холодном поту, выкрикнув «Моника!». Его сердце колотилось с такой силой, что он не мог дышать. Авраам встал, подошел к окну, открыв его, глубоко вдохнул. Он вдруг он понял, что она действительно ушла. И он не сможет ее вернуть. Понял, что очень нужен сыну, семье. Он услышал стук в дверь, догадавшись, что его крики разбудили тех, кто спал в соседней комнате. Он не стал открывать. «Все в порядке, простите, что разбудил», – ответил он низким тоном.

После похорон он каждое утро отправлялся на кладбище. Сидел у могилы и думал о своей жене. После кладбища он приходил домой и, взяв с собой Новака, отправлялся на прогулку. Когда он снова вышел на работу, то поначалу даже то-

варищи боялись к нему подойти. Он здоровался с каждым, кто здоровался с ним, но даже не останавливая на них взгляд. Но никто не обижался, все всё понимали.

*С того дня это первый раз,
когда дом начал
снова оживать.*

Новак часто подводил отца своим поведением, в школе он часто дрался. Причем это лучшее, что у него получалось. Отец подумал и пришел к выводу, что мальчонка смог бы найти себя в боксе. Мальчик старался поправить дела в учебе, но получалось это крайне редко. Авраам, видя старания сына в освоении тех или иных наук, поощрял его стремления, нанимал профессиональных репетиторов. Долгими вечерами и сам старался разъяснить тот или иной предмет сыну. Однажды они около часа просидели над решением задачи. Новак подпер подбородок ладошкой, положив локоть на стол. Потом, когда отец спросил: «Ну что, задача стала тебе ясней?» – он затычным, сонным голосом ответил: «Папа, прости. Но мои мозги давно уже уснули», после чего рухнул на стол. От удара он резко проснулся и, резко подскочив, вопрошительно посмотрел на отца. Авраам подхватил сына и расхохотался на весь дом. В этом доме последний раз был слышен смех больше пяти лет назад, тогда Моника была еще жива и встречала мужа у порога. С того дня это первый раз,

когда дом начал снова оживать.

Прошли годы. Пришло время покинуть отчий дом и отправиться на учебу Новаку. Он пошел по стопам отца, несмотря на то что тот предоставил ему полную свободу выбора. Он старался, как мог, пытаясь быть не хуже остальных, но это у него плохо получалось. Авраам понимал, что сын никогда не будет профессионалом в том, чем занимается сейчас. Его удел – победы в спорте. Но рвение и желание доказать всем, что он не глупее их, восхищало Авраама. Он видел, как закаляется характер Новака. Правда, когда у второго заканчивались аргументы устные, он пускал в ход аргументы более весомые и бесспорные. Свои увесистые кулаки.

Однажды во время пары один из студентов перебил его во время ответа и дополнил парочку пропущенных им факторов. Новак продолжил, но через некоторое время уже другой студент вполголоса произнес: «Что этот богатенький идиот несет?! Сам понимает?!» Парень сдержался, глубоко вздохнул и продолжил к общему удивлению. Преподаватель был поражен его стальным характером и поставил пять за ответ на троечку.

Но история на этом не закончилась. Новак подстерег ребят в парке, через который многие учащиеся срезали дорогу до общежития.

Грубияны шли в окружении своих дружков, всего их было семеро, но униженного парня это не остановило. Его сердце колотилось со страшной силой, ему было страшно, руки дро-

жали, а ноги подкашивались. Но он понимал: прощать нельзя! Они прошли мимо дерева вдоль аллеи, за которым стоял Новак, он смотрел им вслед и думал, как на них напасть.

Они отдалялись дальше и дальше... Вдруг он сорвался с места, набирая скорость с резвостью спринтера. Когда он был от них в паре метров, последние двое обернулись на топот. Не успев понять, что происходит, один из них мигом очутился на земле с разбитым лицом, Новак швырнул в него папкой с учебниками, как только тот обернулся.

Второго он также оглушил, со всей скоростью врезавшись в него плечом, удар был такой силы, что парень сбил с ног еще одного из группы ребят. Потом ему хватило двух ударов, чтоб свалить еще одного ошарашенного нападением студента. Тот, что обозвал его, сразу же рванулся бежать в общежитие, а тот, что его перебил, напрыгнул со спины, повалив его на землю. Только Новак попытался вскочить, как искры посыпались у него из глаз, последнее, что запомнилось, это шнуровка от кроссовка перед лицом. Он рухнул на спину, ощутив во рту осколки зубов и неприятный привкус крови. Удар сбил его с ног, но оглушил ненадолго. Он инстинктивно укрыл голову руками, пытаясь встать, он перекатывался то на один бок, то на другой.

Удары сыпались градом со всех сторон, к этим двум присоединился третий, которого сбил с ног его же товарищ, без сознания налетевший на него после удара. Он отчетливо слышал оскорбления и топот ног, слышал, как глухо отзывается его тело на нанесенные удары. Как обувь шуршит по асфальту, женские крики то с одной стороны, то с другой... «Хватит, вы его убьете!» – кричали прохожие, но никто не смел вступить. Со стороны он был поверженный человек,

которого бьют трое, но на самом деле он это начал и уж точно он это закончит.

*Умываясь и глядя,
как кровь вперемешку с водой стекает в слив,
вытаскивая осколки зубов, впившись в десны и щеки,
он вдруг ощутил страшную пустоту внутри себя.*

Вдруг он разглядел ногу одного из бьющих и движением руки сбил его с ног, появилось свободное пространство в «треугольнике», в котором его заперли. Он молниеносно перекатился на свободный бок и вскочил на ноги. Теперь его ничего уже не остановит. Он начал делать то, что делал лучше всего в жизни – бил, бил больно и прямо в цель. Лежащего он мгновенно нокаутировал, ему стоило это пропущенных ударов от двух стоящих, но оно того стоило, грубиян очнется только в больнице. Вдруг один, увидев это, попятился назад, а другой продолжал пытаться нанести удар по уворачивавшемуся то влево, то вправо Новаку. Сделав резкую серию контрударов по нападающему, он закончил ее тяжелым хуком справа, без шансов, нокаут. Остался еще один, метавшийся то назад, то вперед, не знающий, то ли бежать, то ли наподдать. За него решил Новак – он ринулся в его сторону, снеся его как локомотив. «Та самая шнуровка», – подумал он, нанося удары с правой и левой руки, он бил до тех пор, пока тот сопротивлялся, но это длилось недолго – один

из ударов достиг цели, а второй поставил на драке жирную точку. Он поднялся над поверженным, оглядел лежащих на земле, сплюнул кровь, наполнившую его рот, и направился в общежитие.

Он зашел к себе в комнату и сразу направился в ванную комнату. Новак смотрел на свое побитое лицо в отражении зеркала, склонившись над раковиной. Умываясь и глядя, как кровь вперемешку с водой стекает в слив, вытаскивая осколки зубов, впившиеся в десны и щеки, он вдруг ощутил страшную пустоту внутри себя. По его бугристому от синяков и ссадин лицу текли слезы. Они щипали лицо и жгли солью на распухших губах. Он сделал несколько коротких шагов назад, пока не уперся в стену. Облокотившись, он сполз по ней вниз, оказавшись сидящим на полу. Вытянув руку и немного приподнявшись, он закрыл шумящий водой кран. Вытянув правую ногу, он достал телефон из кармана и набрал отца. Услышав его голос, он осознал, что не сможет произнести ни слова, слезы потекли ручьем, и он резко сбросил звонок. Разрыдавшись взхлеб, он не мог остановиться. Он плакал, как ребенок, он так хотел к отцу, но понимал, что это слабость, а она неуместна. Авраам перезванивал снова и снова, но на другом конце провода только гудки. Он почувствовал, что с ним что-то не так. Набрав сообщение, он отправил его сыну и пулей вылетел из кабинета, в котором его застиг звонок сына. В сообщении было написано: «Буду через 32 часа».

Раздался стук в дверь. Новак подумал, что это снова кто-то из деканата, ведь о происшествии говорили все учащиеся, и это не останется без внимания ректора и всей учебной части. Многие даже сняли драку на мобильные телефоны. Так что о ней не знал только ленивый. «Новак», – голос отца заставил вскочить его с места. Полусонный, он направился к двери. Подойдя к ней, он остановился, вспомнив про свое разбитое лицо. Он резко развернулся и оглядел свою комнату в безмолвном крике: «Что делать, что я ему скажу!?!» «Я знаю о драке, открывай, Новак», – спокойный голос отца сразу успокоил парня. Он незамедлительно открыл дверь. Отец первым делом обнял сына, без расспросов и выяснений сказал: «Дома очень пусто без тебя, сынок. Бабуля и я очень скучаем». Он взял сына за плечи и, посмотрев ему прямо в глаза, тихо произнес: «Новак, поехали домой, на недельку, а потом... А потом решим, что делать дальше». Парень, опустив глаза, ответил очень убедительным голосом: «Да, но через пару дней. Надо появиться в школе, понимаешь, если я сейчас уйду, то выйдет, будто я убежал. А я не хочу бежать. Ты проводи со мной денек, а потом езжай домой, я поеду за тобой через два дня. Пойми меня, отец, так будет вернее». Авраам понял сына. Он стал не взбалмошной мальчишкой, а мужчиной. И теперь причины драки были ему ясны. Для кого-то это склока подростков, вызванная обидой, чувством соперничества и другими факторами, объясняющими агрессивное поведение молодого парня. Но отец увидел в глазах

Новака совсем другое. То, что присуще только настоящему мужчине, – честь.

– Ну будь по-твоему, – произнес Авраам. – Какие у нас планы?

– Прогуляемся, поболтаем. Я столько вопросов тебе хочу задать, особенно по части документации...

Они вышли из корпуса и отправились в город. Во время прогулки Авраам расхохотался.

– Что, смеешься над моими синяками? – улыбнувшись, спросил парень.

– Нет, просто ты говорил о документации...

– И-и-и-и?.. – вопросительно произнес Новак.

– И я представил, как твой бухгалтер отреагирует на смачную пощечину от тебя, если что-то сделает не так, – Авраам снова залился приятным смехом.

– Эх, не говори, надо заранее ему каску выдать будет, а то долго он не протянет.

Они шутили и общались на разные темы. Через пару часов они зашли в прохладное кафе с открытой площадкой, напротив бил фонтан и открывался красивый вид на аллею. Немного выдержав паузу, Авраам пристально посмотрел на сына. Во взгляде не было ни капли злости или сострадания. Только интерес.

– Было так, – начал Новак, сын понял отца без единого слова. – Это двоюродные братья, два отморозка, поначалу я с ними сдружился, ну надо же, думаю, хоть с кем-то общать-

ся, вот и повелся с этими ребятами. Нас получилась компания, присоединилось еще четверо, и после пар мы вместе проводили время. Ну знаешь, как бывает: играли в футбол, гуляли, общались... Но очень скоро их поведение стало меня смущать, с каждым днем они становились все распущенной. В нашей компании стала появляться выпивка. Сначала редко, потом все чаще и чаще. Потом какие-то таблетки, в общем, я понял, что с ними лучше не знаться. Я перестал с ними общаться. Не думаю, что мой уход очень их обеспокоил, я ведь не занимался дуростью, которой уподоблялись они. В общем, я был среди них белой вороной. Ну, первое время все было нормально, они продолжили деградировать, а я стал еще больше времени посвящать учебе. И пару дней назад началось. Сначала они вслед что-то говорить стали. Где бы я с ними ни пересекался, чувствовал негатив и неприязнь с их стороны. Они проявляли ее и так и этак. Постоянно пытались меня задеть. Я подошел к ним в столовой в тот день и сказал, что сломаю нос любому из них, кто еще хоть слово в мой адрес скажет. Помогло до обеда, потом чувствую, они конкретно решили меня изводить, хотели поломать морально. Стали про меня гадости говорить, пара слухов и до меня дошло. Потом на последней паре, когда мое терпение и так было на исходе, эти два отморозка, ну братья, решили меня постебать, перебивали, что-то шептали за спиной. Понимаешь, я их знаю, некоторых нужно сразу же заткнуть, или они не успокоятся, пока тебя не доведут. Они из таких. Понима-

ешь, я не мог терпеть, я не обязан терпеть. Не знаю, чем это закончится, но я не жалею ни о чем.

– Ты мужественный человек, – сказал Авраам, не отводя от него глаз. – Я на твоей стороне. Я верю каждому твоему слову. Ты лучший сын, который может быть у отца. Я очень тебя люблю.

Эти слова вдохнули в парня много сил и еще большую уверенность в себе. Новак приехал, как и обещал. Он разобрался с отчислением, преподаватели решили, что драка была совместной и виноваты отчасти все – и те, кто провоцировал, и, соответственно, кто отреагировал. Потом он снова уехал и вернулся лишь после окончания колледжа.

Глава III

Отец устроил Новака на свое место в вознаграждение за труды и старания в учебе. Милана сразу же сразила его. Он без памяти в нее влюбился. Опыта общения с молодыми порядочными девушками у Новака не было, и поэтому он проявлял свою симпатию как мог. А мог он только пошутить или сказать что-нибудь о ее внешнем виде, но в такой форме, что лучше бы он просто промолчал, в этом было бы намного больше шарма и обаяния, чем в его глупых попытках сделать комплемент. Она реагировала очень негативно, и в первое время у нее сложилось мнение, что он пустой и глупый человек, да еще и отвратительный приставала. Однажды после бурной вечеринки, закатанной прямо в офисе, и чудесного спасения его репутации и чести Миланой он открылся ей совсем в другом свете.

*Иногда у меня бывает ощущение,
будто бы я командир взвода...
Оглядываюсь, а все мои солдаты
за это время
ушли или умерли в бою.*

Девушка в очередной раз, уже в конце рабочего дня, зашла к Новаку проверить, проснулся ли он. Когда она зашла,

он сидел на столе, поставив ноги на кресло, и смотрел в окно.

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросила она.

– Ты, наверно, окончательно во мне разочаровалась, – произнес он совершенно отрешенным и пустым голосом.

– На любое поведение есть своя мотивация, и судить человека лишь по конечному результату несправедливо. Видимо, вам очень плохо, если вы не знаете меры в веселии.

– Да, – вдруг оглянувшись на нее, сказал он. Посмотрев в ее красивые и чистые глаза, он снова отвернулся. Ему было жутко неловко.

– Извини, – продолжил он, опустив голову, не в силах сдержать слез от ее пронзительного взгляда. – Извини, мне стыдно представлять перед тобой в таком виде. Ты очень мне помогаешь, а я только и делаю, что подвожу и тебя, и отца. Он слез со стола и подошел к окну. Он повернулся к ней, и она вдруг увидела его слезы, ее взгляд сразу же переменился. Она сделала шаг в сторону и села в кресло. Она молча не отводила от него глаз, она хотела успокоить его, но этого человека она не знала. Милана нашла бы слова для своего начальника, Новака, но этого человека она еще не знала, точнее, она не видела его без маски, которую он придумал для окружающих. Он всегда казался ей гордым, даже надменным, никого не считающим достойным своего внимания, за исключением ее, конечно же. А порой даже жестоким. Он не умел прощать, и если кто-то переходил ему дорогу, он мог прибегнуть к любым методам, даже физическим, но свое по-

лучить, не пропустив никого вперед себя. Бескомпромиссный лидер. Но только не в работе, которую он плохо понимал и со временем перестал стараться это сделать.

– Иногда у меня бывает ощущение, будто бы я командир взвода. И знаешь, я оглядываюсь, а все мои солдаты за это время ушли или умерли в бою. Я кричу «в атаку!», а в ответ тишина, я смотрю – передо мной вражеский взвод, который готов меня растерзать, а я оглядываюсь и понимаю, что за мной никого уже нет и я один на этом поле боя, – он говорил, будто исповедуясь ей. – Я столько доказывал всем кругом,

кто я и из какого теста слеплен, что и сам уже не знаю, кто я на самом деле... – Он смотрел на нее и думал, как она красива. Он так хотел сказать ей о своих чувствах, об искренней симпатии, зародившейся в первый же миг их встречи. Симпатии, которая сейчас пылает в его груди страстной всепоглощающей любовью. Но этого он сказать не мог, даже в эту минуту откровения.

– Авраам знает, где вы? – тихо спросила Милана.

В этот момент она показалась ему жестокой, он произвольно прищурился, глядя на нее, и хотел ответить грубо, но, одумавшись, тихо спросил:

– Это все, что ты скажешь?

Девушка, сама не ожидая от себя такой откровенности, ответила инстинктивно:

– Новак, вы предстали предо мной в абсолютно не знакомом мне обличье. Я, – она посмотрела на него и, медленно опустив глаза, произнесла очень тихо, – всегда думала, что вы избалованный мальчишка, который никогда не повзрослеет. Простите, но у меня были поводы так думать. – Она сомкнула губы и посмотрела на него, как посмотрел бы упрямый ребенок.

Он был очарован и сражен наповал. Он сел за стол, в кресло, стоявшее прямо напротив нее. Он ответил, что позвонил, успокоил отца. Потом он спросил, как ей удалось предотвратить его позор. Она рассказала все, с азартом смакуя подробности. Они оба хохотали. Порой Новак закрывал глаза рука-

ми, когда Милана нарочно поподробней описывала его пьяным и почти без чувств. Он искренне смущался, но улыбка не сходила с его лица, ибо слушать Милану, смотреть на нее, когда она что-то рассказывает, было для него истинным наслаждением, особенно сейчас, когда барьер между ними разрушен и есть простор для позитивного взгляда на человека, которого она, только лишь казалось, знает.

Милана, теперь уже абсолютно не обращавшая внимания на офисный планктон, с его мнениями и сплетнями о ней, окончательно превратилась в грозу для них. Они, как испуганные кролики, разбежались по рабочим местам, словно по норкам, только завидев ее на горизонте. Новак, окончательно поглощенный своим чувством, теперь при виде девушки сиял, как солнечный луч. Притом что внешне он как мог вуалировал свои чувства. Фразу «доброе утро» он репетировал по несколько раз, иногда настолько поглощенный предвкушением произнесенного им приветствия он варьировал его просто до умопомрачения. Вплоть до «здравствуй, любимая» и после сказанного долгий упоительный поцелуй. Расплывшийся в неге на заднем сиденье, Новак (в последнее время этот утренний ритуал стал практически обязательным) вызывал у водителя синдром дергающегося глаза. Он никак не мог сопоставить привычно хмурого, неприветливого человека с этим жизнерадостным господином. Но на деле молодой человек проявлял куда меньше оптимизма, ограничиваясь фразой «привет», вместо дежурного «доброе утро».

Милана стала иначе относиться к нему, но как именно, сама до конца не осознала. Теперь зайти к нему и спросить про отчет или еще о чем-нибудь стало для нее проблемой. Когда он при виде ее уже просто не в силах сдерживать улыбку, вопросительно смотрел на нее, ей становилось и приятно, и непонятно...

К ее глубочайшему удивлению, ни одно, ни второе чувство не вызывали у нее удивления, ей казалось, будто бы между ними никаких других отношений никогда и не было, кроме нынешних приветливых. Это легко объяснить. Новак действительно был надменным человеком, но только на глазах у тех людей, при ком не хотел представать в истинном обличье. Милана сама расположила себя на ту сторону баррикад и разделяла общее мнение с остальными, но молодой человек, так или иначе, не проявлял к ней неуважения или, тем более, надменности. Его поведение с ней было скорее сдержанным, нежели надменным, как с остальными. Он сразу же увидел в ней красивую девушку и даже попытался пару раз ее пригласить куда-нибудь, сопровождая это неловко сказанными комплиментами, это еще сильнее оттолкнуло его от нее в свое время. Теперь же она поняла, что он все это время относится к ней не просто с уважением, а особенно.

Перемены принесли позитивное ощущение, ведь каждый рабочий день напоминал предыдущий. Но не теперь. Помнялось что-то и в самой девушке. Она поняла, что порой люди отнюдь не такие, какими хотят казаться.

*Он знал своего сына, знал,
что он родился бойцом, гладиатором,
ломать ребра и крошить зубы его удел.*

Так или иначе, она не спешила поддаваться проснувшейся симпатии и пыталась ей противостоять. Новак через две недели после описанных ранее событий пригласил девушку на чашку чая после работы, предложив взять девушке с собой подругу или друга, прекрасно понимая, что она не имеет ни первого, ни второго. Однако он просчитался. У Миланы был очень близкий друг, которого она предложила в качестве их спутника. Новак был не против такого присутствия, тем более что и Милана кое в чем просчиталась, рассчитывая, что Авраам станет катализатором исключительно дружеской волны общения. Третий был в курсе симпатии сына еще задолго до того, как она открылась ей. Разговор между отцом и сыном произошел несколько месяцев назад, но Авраам и виду Милане не подавал на их традиционных чаепитиях и ужинах. Порой он вглядывался в ее чистые глаза и с печалью понимал, что у его сына мало шансов быть рядом с ней. Он знал своего сына, знал, что он родился бойцом, гладиатором, ломать ребра и крошить зубы его удел. Как ни пытался он посеять покой в его бурном нраве, ему за много лет удалось лишь превратить его в озлобленного, малообщительного человека.

Каждый день после работы, во сколько бы Новак ни освободился, он заканчивал свой день в тренажерном зале. Он обустроил один из гаражей, поставил пару тренажеров и разные гири. Порой Новак проводил там по несколько часов, смотря каким тяжелым был день, причем чем насыщенней негативом он был, тем дольше длилась тренировка. После физических упражнений он словно превращался в благородного человека. Однажды Авраам, уже устав ждать конца тренировки, а Новак не выходил из своего «логова» уже четвертый час, пошел к нему сам.

Авраам застал сына за гирей и, глядя, как сын работает с этим предметом, в очередной раз восхитился бойцовскими навыками Новака, глядя на его рельефный торс, поставленный, акцентированный удар, словно пушечный выстрел, резкие, четкие передвижения вокруг нее, молниеносные связки из ударов. Эта картина заорожила отца, и сейчас он как никогда понимал, что сын сделал выбор в пользу отца, а не по своему усмотрению.

Он ушел из спорта, будучи выдающимся спортсменом. Он пришел в мир, скучный ему, непонятный, там, где люди говорят за спиной, а не в лицо. Новак, увлеченный и абсолютно отрешенный от внешнего мира, заметил присутствие отца не сразу. Через некоторое время он ухватил его сидящий силуэт боковым зрением.

Остановившись, он спросил неровным от сбитого дыха-

ния голосом:

– Что-то случилось, почему ты здесь?

– Я хочу послушать тебя, а не говорить самому, – любящим голосом ответил Авраам.

– Да я и сам рад поговорить с тобой... Но тема... Довольно сложная.

– Ты ведь знаешь, сложных тем между нами быть не должно, – очень глубоко, но с отеческой нежностью произнес Авраам.

– Нет, отец, ты не совсем меня понял, точнее, я неправильно изъясняюсь.

Мне кажется я нашел человека, но он явно не искал меня...

– Новак после сказанного вопросительно посмотрел на отца, рассчитывая на его понимание и на то, что ему не придется объяснять все буквально.

Но после мгновенной паузы он все же сказал все как есть с присущей ему прямоотой, которая перешла к нему от отца:

– Дело в Милане. Ты ведь сразу понял, что она особенная, правда? – отец кивнул сыну, но не произнес ни слова, дав говорить ему. Новак продолжил:

– Она такая неземная. Знаешь, в ней нет людской «грязи». Она чистый человек. Я так плохо с ней поступаю порой, ну на работе я недостаточно организован, ты ведь знаешь, а она всегда меня прикрывает, делая порою даже мою работу. Нет, это, конечно, не главное. Просто я рад, что меня прикрывает

именно она.

– Я полагаю, и это не главное, – очень аккуратно спросил отец.

– Нет... – глубоко вздохнув, ответил Новак и продолжил, тихо, но внятно говоря с отцом:

– Что бы она ни делала, она делает это по-особому. У нее есть то, что было у мамы, то, что сейчас уже никому не нужно, то, что отличает настоящую девушку от большинства нагламуренных игрушек. Шарм, – искренне взглянув на отца, произнес парень. Облокотившись на стену, он глубоко и печально произнес: – И я даже не мечтаю, чтобы она была рядом со мною. Знаешь, я никогда не был избалован ни деньгами, ни чем-либо еще. Все, что я трачу, я зарабатываю сам, – продолжал Новак уже с большим чувством и поменяв положение на более напряженное, опершись локтями на колени: – А все кругом раздули миф о богатеньком мальчике и его папиных игрушках. Меня это не задевает, ты знаешь! – утвердительно произнес сын и продолжил, жестикулируя руками и встав на ногу, но не повышая голоса: – Эти крысы вечно роются в чужом белье и выносят его напоказ, да мне и стыдиться нечего, у некоторых репутация далека от совершенства, просто в сравнении с моими промахами, так они первые крикуны... И как я могу позволить себе обращать внимание на такую нечисть. После короткой паузы, словно набрав воздуха, он со всей злостью, что осталась в нем после нескольких часов физического изнурения, со всей искрен-

ней злостью очень громко произнес:

– И она такого же мнения обо мне! Ты представляешь, думает обо мне со слов этих... паразитов!

Немного пройдясь по помещению, уже более рассудительно и спокойным голосом он продолжил:

– Да, я не сахар, знаю. Но ее это никогда не касалось.

– Я полагаю, и на это есть основания, у тебя к Милане очень глубокое чувство. Если ты сравнил эту девушку с Моникой, то она значит для тебя непомерно много, – сказал Авраам и продолжил: – Эта девушка изумительна, и видит Бог, я люблю ее так же сильно, как любил бы родную дочь, как люблю тебя, мой сын. Тебя таким, какой ты есть... – Авраам сделал паузу, дабы отступил ком, подступивший к его горлу и грозящий слезами. Новак тут же посмотрел на него с огромной печалью, приняв на свой счет фразу, сказанную отцом, она показалась ему характеризующей его как несостоявшегося, как сына человека.

Но после того как отец продолжил начатую им речь, слез радости от понимания не смог сдержать сын. – Таким, какой ты есть, мужественным мужчиной, который никогда не бежал от трудностей. Те, кто говорят о тебе плохо, не прошли и четверти твоих трудностей жизни, от которых я никогда тебя не оберегал, и ты меня поймешь, я думаю. Я хотел, чтобы ты стал мужчиной. И ты стал. Ты даже лучше, чем я ожидал от тебя. Я горжусь сыном, которого воспитал мужчиной. Который никогда не показывал и не покажет спину врагу. Который, как истинный спартанец, не спрашивает, сколько их. Он спрашивает, где они, не важно, трудности или враги. Ес-

ли бы рядом с Миланой, а она дорога мне, как только человеку может быть что-то дорого настолько сильно, насколько это возможно, и если бы рядом с ней был рядом ты, я был бы этому рад безгранично. Но если ты спросишь меня, я задам тебе вопрос, на который ты вряд ли сможешь ответить. Что ты сделал для того, чтобы ее мнение о тебе поменялось? Да, ты ведешь себя иначе с нею, но все же и своих чувств не показываешь. Я однажды сказал тебе...

Новак перебил отца, произнеся вполголоса слова, сказанные ему много лет назад, но не забытые ни на минуту:

– Есть те, кто ждет подарков, а есть те, кто заслуживает награды.

– Да, да, сын. Именно эти слова. А разве сейчас ты не ждешь, что Милана возьмет да и все поймет? Ты ждешь подарка от жизни, но сам его заслужить не пытаешься.

Новак, окончательно запутанный и расстроенный, снова сел рядом с отцом. Авраам понимал, что сейчас все сказанное уложится в голове, и со временем придут правильные мысли, которые выльются в правильные поступки. Авраам хотел поговорить с сыном и еще на одну важную тему, но понимал – сейчас не время, но разговор долго ждать не может.

Прошло некоторое время, и, как мы уже знаем, Милана действительно поменяла мнение о молодом человеке, чья репутация была довольно подозрительной. Пришло время назначенного Милане свидания, и, как и было уговорено, ее сопровождал друг, коим предстал Авраам. Новак был в роли

ожидавшего. Он был одет в костюм, но без галстука, по вечерне-официальному. Но это была лишь дань заведению, потому что в ресторан иначе не зайдешь. В тот вечер молодой человек неожиданно для себя пришел к выводу, что не любит рестораны. И предпочел бы сейчас какое-нибудь семейное кафе. Новак сидел за столом, подобно принцу. Его манеры так сочетались с его мужественной внешностью, что на девушек любого возраста он производил неизгладимое впечатление. Но до интрижек и гулянок ему на самом деле никогда не было дела. Иногда он, конечно, мог закатить вечеринку, вроде той, последствия которой могли закончиться плачевно для его статуса и положения в обществе. Это были крики отчаяния, связанные с тоской и одиночеством. Но, романтик в душе, он очень тяжело переживал после них. В большей степени за мнение отца и любимой девушки. Но теперь, когда девушка его мечты хотя бы не думает, что он окончательный идиот, Новак просто счастлив, и он полностью погружен в мысли, как оно будет, если Милана придет к следующей ступени мнения о нем: «А он ничего...»

Двое появились в зале. Галантный пожилой джентльмен и очаровательная девушка в чудесном черном платье. Ее волосы, свободные от заколки, так ей шли, и вообще, Новак, впервые увидев девушку в таком обличье, которое, кстати, отражало ее истинную натуру девушки с безупречным вкусом и попросту самой заядлой модницы, просто лишился дара речи. На мгновение он подумал, что это вовсе не та,

кого он ждет, но такой фактор, как наличие его отца в качестве спутника, постепенно убеждал его в обратном. Он встал, приветствуя отца рукопожатием, а Милану нежным поцелуем в руку, он обошелся с ней, как с принцессой, и с этой минуты он полюбил ее еще больше, чем даже думал, что любит ее. Он сначала полюбил ее натуру, а сейчас влюбился и в ее внешность.

Авраам по большей части молчал за столом, но время от времени принимал участие в разговоре двух молодых людей. К его удивлению, им много о чем было поговорить. Он всегда думал, что они абсолютно разные натуры и просто несовместимы, кроме как в деловом процессе. Но о делах в этот вечер не говорили. По прошествии часа Авраам попросил у Миланы разрешения удалиться, без ее сопровождения, сославшись на легкую усталость. Девушка согласилась, взяв с него слово, что как только он доберется до постели, позвонит ей. Когда они остались вдвоем, то общаться вдруг перестали на некоторое время. Новак, теперь уже не стесняясь отца, мог откровенно любоваться Миланой. А девушка, в свою очередь, оставшись без щита, стала смущаться.

*Новак знал ее походку наизусть
и узнавал ее просто по стуку каблучков.*

– Когда ты вошла, я не узнал тебя, – начал Новак.

– Ну, на работу я не ношу вечерних платьев, да и волосы

всегда собраны... – неловко ответила девушка.

– Дело не в платье или причёске, дело в твоём настроении, а оно уже отображается в твоём внешнем виде. У тебя настроение хорошее, это меня радует, я не привык радоваться по этому поводу. Это ощущение для меня новое...

– А на работе я такая замороченная, да? – по-детски смущаясь и неловко отбиваясь словами, сказала Милана.

– Пройдемся?

– Да! – незамедлительно ответила Милана, неожиданно громко, резко отрываясь от бокала с водой, пить которую стала большими глотками, сопровождая это отрывистыми взглядами по всему залу, только бы не смотреть на молодого человека напротив себя.

Она встала и быстрым шагом пошла к гардеробу. Новак смотрел, как она уходит, и не верил своему счастью. Сколько раз он наблюдал эту походку, украдкой следя за Миланой из окон офиса. Пока Милана спускалась на лифте, Новак бежал к лестнице и сбегал по ней на второй этаж, пробежал до конца коридора, из последнего окна отдела канцелярии хорошо было видно, как Милана выходила из здания и проходила около ста метров до метро. Новак знал ее походку наизусть и узнавал ее просто по стуку каблуков. А сейчас он проводит ее. И это было самым большим счастьем для него за много лет. Он расплатился и пошел в том же направлении.

Когда девушка увидела Новака, выходявшего из ресторана и направлявшегося в ее сторону, ее опять охватило легкое

волнение. Но на этот раз справиться с ним ей было легче, потому что не приходилось сидеть прямо напротив него, можно было просто смотреть вперед или под ноги. Они шли довольно медленно и общались так же неспешно и размеренно. К концу прогулки Милана поймала себя на том, что ей хочется чаще смотреть на молодого человека, нежели отводить от него взгляд. У подъезда дома молодой девушки он протянул ей руку и, когда она сделала ответное движение, парень нежно поднес ее руку к своим губам и, слегка коснувшись ее, поцеловал. Милана почувствовала, как мурашки покрыли ее руку, а потом неожиданной волной пробежали от затылка до копчика.

Она быстро, но не грубо забрала руку. Улыбнувшись, поблагодарила за вечер и подошла к двери. Ее смущение снова нашло на нее, и она от волнения неуверенно, с третьей попытки справилась с домофоном, резко обернулась, расплывшись в смущенной улыбке, и забежала в дом. Эту улыбку он будет помнить весь вечер и всю ночь.

Он не забудет ее и на следующий день. А потом будет вспоминать в минуты одиночества или неприятностей. Она останется у него в памяти на всю жизнь. Он постоял еще некоторое время, смотря на ее окна. Когда он увидел в них свет, улыбнулся ему в ответ и направился по обратной дороге.

Второе приглашение Новака последовало на следующее утро. Это была неформальная просьба составить компанию на пробежке. Приведенный Миланой аргумент, свидетель-

ствующий, что в округе нет ни одного предназначенного для пробежек поля, и самое главное, тот факт, что Новак живет за городом, а Милана на другом конце города, не стали убедительными отговорками и для молодого человека, и впоследствии для Миланы. В это утро она ни как обычно, суетилась и переживала, что все время прячет свои волосы, а ей так хотелось бы распустить их... А как иначе, ведь это пробежка, а не свидание.

– Доброе утро!! – голосисто заявил молодой человек, абсолютно сонный и, судя по всему своему виду, не спавший практически всю ночь, да еще и проехавший столько миль, но жутко счастливый и заинтересованный.

– Доброе... – жалобно протянула она.

Некоторое время они пробовали бежать по тротуару, но по окончании детской дистанции в 30 метров плавно перешли на шаг, переглянувшись и одобряюще кивнув друг другу.

«Милана» – самое главное мое произведение, и я не хочу заканчивать его чем-то естественным. Испортить хорошее можно только попытками совершенствовать то, что и без того закончено и цельно. Я заканчиваю «Милану» этими строками, чтобы вам было что вообразить о ней еще, что-

бы история никогда не заканчивалась, чтобы я мог думать о ней всегда и чтобы вы знали, что она – это все мы, только в лучшем нашем виде.

В оформлении обложки частично использована фотография с <https://curiator.com/> по лицензии ССО.

В оформлении изображений в тексте использованы фотографии с <https://www.pexels.com/> и с <https://unsplash.com/> по лицензии ССО.